Ольга Берггольц

ВЕРНОСТЬ

СП

ВЕРНОСТЬ

Ольга Берггольц

Ольга Берггольц

ВЕРНОСТЬ

ТРАГЕДИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Ленинград

1954

ОБРАЩЕНИЕ К ТРАГЕДИИ

От сердца к сердцу

Только этот путь
я выбрала тебе. Он прям и страшен.
Стремителен. С него не повернуть.
Он виден всем и славой не украшен.

. . . .

Я говорю за всех, кто здесь погиб.
В моих строках глухие их шаги,
их вечное и жаркое дыханье.
Я говорю за всех, кто здесь живет,
кто проходил огонь, и смерть, и лед,
я говорю, как плоть твоя, народ,
по праву разделенного страданья...

...Как страшно становиться многоликой,
и многодушной, и многоязыкой.
Еще страшней — всегда самой собой
остаться в разных обликах и душах,
и в чьем-то горе, в радости чужой
свой тайный стон и тайный шопот слушать
и знать, что ничего не утаишь:

все слышат всё, до скрытого рыданья,
и друг придет с ненужным состраданьем,
и посмеются недруги мои.

Пусть будет так. Я не могу иначе.
Не ты ли учишь, Родина, опять —
не брать, не ждать и не просить подачек
за счастие творить и отдавать.

...И вновь я вижу все твои приметы,
бессмертный твой, кровавый, горький зной,
сорок второй, неистовое лето
и все живое, вставшее стеной
на бой со смертью...

1946

ПРОЛОГ

1

Обрыв и ночь. И на краю обрыва
три женщины застыли, чуть видны,
и море тяжко бьет, неторопливо —
сердцебиенье сонное войны.

Три женщины на стихшем поле боя
негромко говорят между собою.
А может быть, они не говорят,
а думают...
Так думают, что слышит
их думы весь земной амфитеатр.
Трагедии великое затишье.

А н н а

Я не нашла Андрея... где же он...
Всё! Некуда идти. Здесь край земли и —
море.

Л е н а

Как тихо здесь. Хотя б единый стон.
Так вот оно какое, наше горе.

Анна

Темно, темно... На всей земле темно...
Неужто ж мы сегодня на рассвете
ушли из города? Мне кажется — давно.
Мне чудится — мы шли тысячелетья.
Да, мы с водой к солдатам шли сюда.
Несли в бидонах... С пресною водою
бежали к мысу, к морю, к месту боя...
Дошли... У нас с собой для них вода.

И вдруг кричит:
— Андрей! Я здесь! С тобою...

Ирина Власьевна

Сыночки, дети, двое молодых,
я тоже принесла для вас воды...
Вздохните, шевельнитесь, — мать услышит...

...Никто не стонет, и никто не дышит.

Лена

Молчат, молчат... Я слышу только гул
холодного полночного прибоя.
Мой милый, ты, кого я не могу
своим назвать... а я ведь здесь, с тобою.

Анна

Здесь только мертвые. Мы обошли
весь этот мыс. Не кличьте их, довольно.
А наши, те, кого мы не нашли, —
наверное, их схоронили волны,

Еще вчера к Большой Земле ушли
последние баржи и корабли
под ливнем бомб,
в свирепом черном дыме,
а все, кто боем прикрывал отход, —
здесь или там, во тьме холодных вод.
Никто не спасся.
Плачьте же над ними.

Ирина Власьевна

Провожали —
в теплые губы целовали,
а в холодные
уже не поцелуем.

И вновь молчат. Хоть бы одна слеза.
Стоит окаменевшая гроза.

Лена

Что ж ты не плачешь, Анна, Анна...

Анна

Я?
Да, я не плачу. Я в его потерю
ни сердцем, ни умом еще не верю.
Он жив... Он жизнь моя, любовь моя...

Лена

Не надо о любви. Здесь по колено кровь,

Анна

Я знаю, девочка. Но между павших
я про такую говорю любовь,
что мертвых мне не стыдно и не страшно.
Он тоже был солдат — мой друг, мой муж.
А как его любили все, как знали!
С каким доверьем люди шли к нему,
несли свои заботы и печали.
Мы прожили с ним десять долгих лет,
и вдруг — обрыв... и вдруг потерян след.
Неправда все... так не бывает... нет...

Она смолкает. Ей не превозмочь
великое непониманье смерти.
И длится, длится, длится эта ночь,
ночь на краю земной кровавой тверди.

И все же начинает рассветать.
И первою заговорила мать.

Ирина Власьевна

Ну, женщины, родимые, пойдем.
Светает. Море плещет по-другому.
В плену наш город, осквернен врагом,
нам дом постыл. Но мы вернемся к дому.
Нет, я не утешаю и не грею.
Я — мать. Я — как земля. Она — тиха.
Ты не увидишь, может быть, Андрея,
а ты — неназванного жениха.
Не вымолите, сердце не дождется,
не встретите ни вдалеке, ни тут.
Но — муж погиб, а воины придут,

Солдат убит, но Армия — вернется.
Ну, женщины, ну, милые...
Водой,
которую несли сюда с собой
для тех, кто ею больше не напьется,
глаза умойте — и пойдем домой,
и будем помнить: Армия вернется.

2

Так эта повесть начата: с конца,
с горы убитых, с ночи пораженья.

Все та же ночь.
Под кручей два бойца,
сорвавшихся сюда
в последний миг сраженья.
Один из них — Андрей Морозов. Он
к товарищу прильнул,
к груди его: живой ли?
И тот пошевельнулся; вздох и стон,
и еле слышный шопот, полный боли:
— Воды... Андрей... воды...
— Здесь нет воды, Сережа.
— Как нет? Я слышу — плещется вода...
— Так это ж море.
— Море?.. Правда, море...
Андрей, постой! А где мы? Почему
темно и тихо?

Андрей

Мы на том же месте,
там, где и были. Только под скалой.

Сергей

Как?.. Мы — в бою!

Андрей

Лежи. Ты тяжко ранен.
Бой кончился. Мы сброшены сюда.

Сергей

Мы сброшены?

Андрей

Да.

Сергей

Значит, город взят?

Андрей

Да. Взят. Э-э, нет, лежи, не рви тельняшку.
Да ты... Сергей... Чего ж ты плачешь, брат?

Сергей

А ты? Ты — сам...

Андрей

И я... Ну, что же... Тяжко.

Сергей

Андрей, а что ты комкаешь в руках?

Андрей

Лоскут... обрывок знамени полка...
За пазуху запрячу... Вместе с нами
сорвалося под кручу наше знамя.

Сергей

Андрей, скажи, — нас много здесь?

Андрей

Нас много:
нас тыщи мертвых тут и два живых.

Сергей

Считай, что ты один живой меж нами.
Я умираю.

Андрей

Врешь! Мы не умрем!

Сергей

Не бойся, мне не страшно. Мне воды бы...
Водички... Слушай! Спой мне что-нибудь.

Андрей

Сергей... дружок... да ты никак тоскуешь?!
Нехорошо тоскуешь. Погоди!

Сергей

Спой что-нибудь! Ну, спой, —
прошу в последний...
Уважь меня... Мне трудно — в тишине...
Немножко спой...

Андрей

Сторожевик немецкий
поблизости: услышит — станет бить,

Сергей

А-а, все равно отсюда нет спасенья.
Пускай палит, услышав, как поют
убитые матросы...

Андрей

Стой... пожалуй,
сейчас спою.

Сергей

Пока я слышу — пой.

И вот Морозов хрипло запевает
старинную матросскую, — о том,
как мать-старушка сына ожидает,
напрасно сына ожидает в дом.

— Напрасно старушка ждет сына домой, —
ей скажут — она зарыдает,
а волны несутся за быстрой кормой,
в дали голубой пропадают...

Беспамятство стало собой покрывать
Сергея, как траурный парус,
но он приподнялся, он стал подпевать:
— Товарищ, не в силах я вахту держать, —
сказал кочегар кочегару...

Клокочет уже у Андрея в груди,
но гулкий прибой пересилив,
все песня крепчает
и эхом гудит
под кручею в братской могиле,

Напрасно старушка ждёт сына домой, —
всю боль пораженья изведав,
он выплывет сам из пучины морской,
он встанет из гроба, он ринется в бой,
и — нет, не придет, не вернется домой,
пока не добьется победы.
И песню отбрасывает скала
стогласным звучаньем далёко,
туда, где враги притаились, где мгла,
раскинулось море широко.
Морозов истошно кричит — не поет:
сторожевик
немецкий
не бьет.

Тогда, на пределе песнь оборвав,
Морозов сказал Сергею:
— Ну, что же,
ты спеть просил, — ты оказался прав:
разведка жизнью удалась, Сережа.
Не бьет по песне вражеский дозорный.
Смерть отошла пока от нашей кручи.
Дорога нам открыта в море Черном.
Давай сопротивляться, — это лучше. . .
Ты можешь двигаться?

Сергей

Немного.

Андрей

Поплывем.

Сергей

Андрей, плыви один.

Андрей

А за тобой
прикажешь катер выслать?

Сергей

Пристрели.
Я погублю тебя.

Андрей

Молчи, мальчишка!
Что смерть? Пустяк! Весь мир железом вспорот...
Как смертный вздох сегодня воздух весь...
Мы — Армия, оставшаяся здесь.
Ложись мне на спину. Держись покрепче. Есть.
Не умирать. Идем на город!

АКТ ПЕРВЫЙ

1

Закат. Руины города. Он был —
и это видно — светлый и прекрасный.
Амфитеатром белым восходил
высоко вверх — терраса над террасой.
Теперь — одни руины. Смесь камней.
Над ним полоска моря голубая.
Тропинка сверху вьется, и по ней
бредет старик. Он тяжело ступает,
он с длинным посохом. Полупустой
мешок-котомка за его спиною. . .
Безмолвие руин. Наверное, такой,
такой была разрушенная Троя.
Среди развалин на его тропе
какая-то площадка, гладкий камень,
фундамент дома бывшего. Он сел,
котомку снял, колени сжал руками.
Его лицо как бы из темной глины
изваяно. Резкѝ и глубокѝ,
изрезали прекрасные морщины
высокий лоб, открытые виски.

Он местный житель, страстный краевед,
любимый всеми в городе учитель
и — археолог — вот уж много лет
музея Керкинесского хранитель.
Его зовут Иван Петрович Хмара.
Закат над мертвым городом горит,
а он сидит — один, усталый, старый,
он размышляет или говорит:

— Мой бедный город, ты ли это, где́ ты?
Сокровище мое! Что сделали с тобой?!
Веселый город озорных рыбачек,
отважный город молодых матросов,
нетленной русской славы боевой...

Девятый раз иду тропинкой этой:
она — кратчайший путь среди развалин.
Она прошла сквозь стену чьей-то спальни,
сквозь чью-то кухню с печкою разбитой,
прошла по крыше рухнувшего дома,
где я родился, жил, узнал любовь.

Теперь все это — только вязкий пепел.
Нет в городе ни площадей, ни улиц,
но много троп, таких же, как моя.

Ей всюду ход, она неумолима,
через любой порог легла она,
сквозь все, что было тайно и любимо,
незыблемо, и свято, и хранимо,
и у тропинки имя есть: Война.

Идешь по ней — и обувь рвут осколки,
в ступни стекло впивается глубоко,
и прикипает каменная пыль
к щекам, ко лбу — и застывает маской.
И если б можно было маску эту
с лица людского осторожно снять,
и сохранить, и показать потомкам —
я все же верю — добрым и свободным,
они б, наверное, затрепетали
от состраданья и благоговенья,
увидев слепок нашего лица, —
так вот каков Идущий по тропинке...

...Он затихает, глиняные руки
сцепив, сжимая пальцы добела́.
Он не слыхал шагов и щебня звуки,
а это мать тропинкой снизу шла.

Ирина Власьевна

Добрый вечер!

Хмара

Что вы сказали?

Ирина Власьевна

Я сказала — добрый вечер.

Хмара

Спасибо, Ирина Власьевна. Пусть вечер будет добрым.

Ирина Власьевна

Устали, Иван Петрович?

Хмара

Да. Я сидел здесь один и, кажется, громко стонал...

Я рад, что вы пришли. Теперь я понял: меня безлюдье чуть не задушило.

Ирина Власьевна

А здесь и нет безлюдья. Здесь как раз повсюду — люди.

Хмара

Люди? Где же люди?

Ирина Власьевна

Они как раз под этой каменной плитой в подвале. Они хорошо замурованы, а вход задвинут камнем.

Хмара

Как? Здесь, под нами? Да? Но — кто ж они?

Ирина Власьевна

Они бойцы великой, беззаветной,
могучей нашей Армии... Но я
не знаю их имен и даже лица
в глубокой темноте не разглядела.
Недавно ночью слышу — мне стучат
в окно и просят именем России
их напоить и спрятать... Ну, а мне
уже известно было, что соседка
замуровала здесь двоих других,

неделей раньше. Мы теперь приходим
по очереди, — носим им воды
и пищи...

Хмара

Вот... Пожалуйста, возьмите,
возьмите этот хлеб и рыбу.

Ирина Власьевна

Ладно.
Теперь давайте приоткроем люк...

И старики сдвигают камень с люка.
Мать наклоняет в темноту лицо:
— Вы живы ль, милые? —
Из тьмы, тяжелым звуком:
— Мы живы, мать! Считай своих бойцов...

Их четверо. Они сидят в подвале
без дня, без ночи, — первобытный мрак.
Их женщины сюда замуровали,
их, уцелевших непонятно как.
Семен и Павел, флотские матросы;
Сергей, пылающий в полубреду,
и не похожий на себя Морозов...
Бойцы угрюмый разговор ведут.

Семен

Ну, вот, попили водички, поели хлеба
и опять лежать, как в могиле.

Павел

Как в могиле...

Сергей

А там — вечер. Там — закат.

Семен

Где это?

Сергей

На земле. В городе.
Мать не задвинула над нами камня, —
смотрите-ка, вошел вечерний луч.

Семен

Что ж... и в могилу солнце светит...

Павел

И в могилу...

Андрей

А ну-ка, перестаньте!

Семен и Павел

Почему это?

Андрей

Противно. В самом деле как в могиле,
и панихиду по себе поём.
Довольно. Я пойду наверх, на землю.

Семен

Зачем?

Андрей

Затем, что время выходить
и действовать.

Семен

Андрей, не выходи, тебя узнают.

Павел

В концлагерь хочешь или на веревку?

Андрей

Нет, не хочу. Но больше не могу
в своем же городе сидеть в подвале,
дрожать и брать из рук у женщин пищу,
быть может отнятую у детей.

Павел

А что поделать? Их — такая сила...
Как мы стояли... А ведь нас скосило...
Так мы — войска... А это ж — горожане.
Нет, кончено... никто сейчас не встанет.

Андрей

Неправда! Встанут, если выйдем мы.

Семен

Андрей, гляди, нас выдадут.

Андрей

Неправда.
Кто? Уж не та ль, что кормит нас с тобой?

Павел

Таких немного... И она тебя
не опознала...

Андрей

Их должно быть много.
А если мало — значит, мы с тобой
напрасно жили, строили напрасно,
напрасно приняли великий бой.
Я не могу... Мне эта мысль ужасна.
До вечера... Я возвращусь домой.

И, подтянувшись, напрягая силы,
Андрей рванулся на́верх.
И заря
навстречу хлынула и ослепила,
багрово-желтым пламенем горя.
Он пошатнулся от ее удара.
Его подхватывает, держит Хмара.

Андрей

А-а... Как светло... Что, он еще пылает?
Пожар?

Хмара

Закат... Вечерняя заря.
Вас после подземелья ослепило,
сейчас пройдет...

Андрей

Вы? Вы, Иван Петрович?
Уж вот кого не думал встретить здесь.

Хмара

Поистине сегодня добрый вечер.
Я вас не знаю.

Андрей

Я — Андрей Морозов.

Хмара

Вы — в городе? Вы живы? Это — чудо.

Андрей

Да, это я, и я скрываюсь здесь,
и уходить отсюда не намерен.
Я не один — товарищи со мной.
Вы поняли? Теперь я в вашей власти.

Хмара

Андрей Морозов, вы ошиблись: я,
да, я — во власти вашего доверья,
и я учил когда-то вас, мальчишку,
что доверяющий — сильнее всех.

Андрей

Учитель дорогой, простите, я ошибся.
Я знаю вас. Не помню, как сказал...

Хмара

Теперь не время для обид и ссор.
Чем я помочь вам должен?

Андрей

...Вы пойдете
на Керкинес. Вы дома моего
не обойдете. Постучитесь к Анне,
скажите ей — я здесь и жду ее.

Хмара

Мне кажется, ваш дом...

Андрей

Мой дом?

Хмара

Разрушен...
Но, может быть, я ошибаюсь...

Андрей

Нет!
Да, да, конечно... Как я позабыл?
Мне показалось — он такой, как был.
Я уходил — там оставалась Анна...
Но знаете... хотя мой дом разбит,
вы все ж остановитесь у развалин
и позовите Анну.

Хмара

Хорошо.
Но только... это — тщетно...

Андрей

Позовите!
Окликните по имени!

Хмара

Пусть так.
Ну, успокойтесь... раз вы так хотите —
так будет...

Нá плечи ученика
легко ложатся руки старика,
как в юности, с тревогою и лаской.
И в голосе его не прежний стон,
когда оплакивал руины он, —
он говорит спокойно, тихо, властно:
— А я вас попрошу, чтоб вы учли,
что всю гражданскую я был в подполье,
когда вы были мальчиком-подростком.
Я пригожусь вам, хоть уже старик.

Андрей

Вы очень пригодитесь. Я приду
к вам в городище.

Хмара

Не ходите в храм,
но лишь в раскопанную винодельню,
через некрополь. А в музейных залах
немецкий штаб.

Андрей

Немецкий штаб? Приду!

Старик уходит, и Андрей один.
Закат, закат пылает нестерпимо.

Андрей привстал, по-новому глядит
на город, одичавший и любимый.

Одни руины. Власть и смесь камней.
Все больше распрямляется Андрей.

В нем нарастало нечто, что ему
еще невнятно было самому, —
восторга взлет, предел ожесточенья,
когда ненасытимы глаз и ухо,
и все открыто зрению и слуху,
и крепнет вдохновенное прозренье.
Кто шел на бой, запомнил те мгновенья.
Он так глядел — без времени, без вздоха,
и вдруг кричит, прорвавшись наконец:
— Так вот как мы дрались! А что ж, неплохо!
Неплохо, город! Молодец!
Да ты... ты гордый, брат! Ты весь застыл
в порыве страшного сопротивленья,
разметанный по камню, вбитый в пыль,
не дрогнувший, не вставший на колени.
Нет, ничего не кончено. Не труп,
не раб мой город с гордостью такою...

Он задохнулся — сотни медных труб
вдруг загремели, призывая к бою.
Он слышал их! Он видел — как лучи
багряно-медного заката,
они взвилися к небу, горячи,
и небосвод сотрясся их раскатом.
Все больше их, и вот уже стеной
они стоят, они звенят в зените.

Андрей тогда не думал: «Что со мной?», —
он слышал их! Звените же, звените!
Они звенят, они уже ревут
и на пределе рева — вдруг, нежданно
смолкают.

Тишь.

Тропинкою идут,
сюда идут.

Андрей подумал: «Анна».

Он сел на камень. В мире тишина.
Легчайшие шаги —

идет жена.

И на краю площадки, добежав,
остановилась. В старом милом платье,
в цветном платочке. Руки не разжать,
не улыбнуться и не зарыдать ей.

— Здравствуй, Андрей.
— Здравствуй, Анна.

Она неподвижно стоит на краю площадки.

— Аннушка, что ж ты остановилась? Подойди ко мне. Я так ждал.

Анна подходит к мужу и тихо протягивает ему руку.

— Здравствуй, Андрюша.
— Здравствуй, Аннушка...

Анна

Нет... Нет, ты сиди, не двигайся...
Дай, я руками
потрогаю лицо твое, и плечи,
и голову. Вот так... Андрей!.. Андрей!

Андрей

Не узнаешь? Так сильно изменился?
Но это — я. Узнай меня скорей.

Анна

Не узнаю? Тебя — не узнаю?
О господи... Да если б даже стал ты
обломком камня, деревом, золой —
я б и тогда во всем тебя узнала;
я камень обнимала бы, терновник,
золу бы целовала... Только очень,
ты очень постарел...

Андрей

Теперь — узнала.
Мой свет земной. А ты все та же, та же,
такая же красивая...

Анна

Не надо,
не надо здесь об этом... Правда — тихо?

Андрей

Да, очень тихо здесь. Но я — с тобой.

Анна

Й я — с тобой... Я знала — это будет!
Я знала там еще, на том обрыве,
куда пришла искать тебя убитым
и смерти не поверила твоей.
Ты знаешь — я совсем не испугалась,
когда старик окликнул у калитки
и прошептал, что ты меня зовешь.
Я встала с груды щебня, где пыталась
хоть что-нибудь домашнее отрыть,
пошла сюда, почти не задыхаясь,
и думала: «Ну вот и повстречались...»
Ты веришь?

Андрей

Да... Ну, говори еще.
Еще дотронься до лица. Не бойся,
что я не улыбаюсь и не плачу,
и все молчу...

Анна

Молчи. О, как я рада,
что все тебя считают мертвым.

Андрей

Нет,
я жив!

Анна

Молчи. Великую услугу
нам оказала смерть твоя: она
как шапка-невидимка. Нет подполья,
охраны нет надежней и верней.

Ты мертв — и враг преследовать не станет,
и друг обременять собой не будет,
предатель не найдет и не предаст.
Подумай только, как ты стал свободен.
Отсюда мы сегодня же уйдем
куда-нибудь далеко в горы... Хватит,
довольно этой крови, жертв и мук.
Я больше не отдам тебя... Я больше
не выпущу твоих сожженных рук.
Не отнимай же их: я так мечтала
прижаться к ним губами, как сейчас.
Мы одиноки... Только двое нас...
Уйдем скорее...

Андрей

Анна, дорогая,
прости меня — так любят мертвецов.
И не тебе, строителю, с твоими
не женски смелыми руками — плакать,
дрожа цепляться ими за меня!
А я живой — и мне глядеть в глаза
живым, когда они придут сюда...

Анна

Я знаю
все, что ты скажешь. Да. Но ты неправ.
Ты возвратишься к делу. Но сегодня
ты изнурен, изранен, еле бродишь...
Ты вправе скрыться, отдохнуть немного,
ты принял все... Ты был уже за гробом,
за гранью смерти...

Андрей

Дальше, Анна, дальше,
так далеко, что смерти не достать.
Там смерти нет. Там нет *своих* утрат,
своих печалей и *своих* страданий,
и, не сердись, там нет *своей* любви.
И если кто страданьем всех страдавших,
любовью всех любивших жил хоть раз,
хотя бы миг, за всех живых и павших, —
тот этой жизни больше не отдаст.

Анна

Андрей, ты хочешь...

Андрей

Я останусь тут,
а ты уйди из города. Так лучше.
Я позову, когда найду возможным.

Анна

Нет. Нет, не смей. Тебя свои узнают,
и выдадут — свои же.

Андрей

Ты клевещешь!
Ты знаешь всех, оставленных со мной.
Я при тебе успел послать шифровку
в Москву с их именами. Где сейчас
Петр Овчаренко?
— Он вчера повешен.
Он выдан был.

— Никифоров?

— Убит.

— Савельева?

— Прямое попаданье.

— О господи... А Голубев?

— Исчез.

Долгая пауза.

Андрей

Так. Значит, надо все начать сначала.
Сначала, с новыми людьми...

Анна

О нет!
Они тебя...

Андрей

Не знаешь ты, что значат
твои слова... а в них — такая тьма.
Жена, оставь меня. О чем ты плачешь?
Ты в смерть мою не верила сама.

Анна

Найти на миг — и снова потерять.
Нет, больше я не в силах. Я устала.
Ну, пожалей... я у тебя одна.
О, разве это мало? Разве мало?

Она рыдает, падая на камень
ничком, лицо свое закрыв руками,
она рыдает, скорчившись. Над нею
стоит ожесточившийся Андрей,

не глядя на нее. Уже темнеет,
и, не простившись с Анной, — так верней, —
Морозов быстро, тихо в подземелье
спускается. Почти не виден лаз.
Тих небосвод. Закат почти погас.

Подвал и мрак. Бойцы лежат в подвале.
Андрей вошел, затеплил каганец
(его на миг порою зажигали),
стоит. Поднялся за бойцом боец.

— Товарищ Морозов! Ну, что там в городе, на земле?

— Нас ждут в городе.

— Как там женщины-то наши, Андрей? Худо им... плачут?

— Нет. Они ждут нас.

— Проклинают нас, поди, армию и флот, за то, что не удержали город?

— Нет. Они ждут нас. Слышите?

Он вскидывает руку. Стиснув зубы,
в подвале, с поднятою головой
стоят бойцы и слышат: трубы, трубы
гремят над ними, призывая в бой.

2

... Всё в тот же день, на гаснущей заре,
у матери на маленьком дворе.
Она сама, и Лена с ней. Они
сидят под обгоревшею лозою.
В домах не зажигаются огни,

и вечер полон горького покоя.
Полынью пахнет нежно и щемяще,
как до войны, весною настоящей,
и этот запах людям тяжелей,
чем смрадное дыхание камней,
и трудно им привыкнуть к тишине,
к ее, совсем кладбищенской, печали.
Она царит уже двенадцать дней...
...А бомбы, кажется, еще вчера свистали,
и город, рушась, грохотал вчера
в столбах огня — у этого двора,
где женщины с утра и до утра
на обороне Родины стояли...
Что делали они?
Они — стирали.

Им привозил ночами грузовик
белье из госпиталей и санбатов,
тяжелое от крови неотжатой.
Их руки были до локтей в крови,
они стирали, спин не разогнув,
а город рушился, и небо выло, выло...
Контузило за стиркой не одну,
одну — осколком наповал убило.
Здесь, на дворе, была она зарыта.
Над ней минуту прачки постояли,
и снова наклонилися к корытам,
и снова молча, яростно стирали.

Встал город насмерть. Хлещет кровь. —
Белья! —
И прачки насмерть у корыт стоят.

Ни сна, ни отдыха — стирать, стирать, стирать.
Все гуще яркорозовая пена.
Семь тысяч простынь выстирала мать
за время штурма; девять — Анна с Леной,
а прочего белья не сосчитать,
и все еще осталось бы на смену...
...Им не пришлось последней стирки сдать:
в то утро город занят был врагами.
— Мы сбережем белье, — сказала мать, —
оно понадобится нам опять. —
И спрятала в укладке, в темной яме,
последнее сокровище свое —
шершавое солдатское белье.

Двенадцать дней, всего двенадцать дней
с того рассвета...
...Вечер все темней,
и тишь вокруг — мучительней бомбежки.

Лицом уткнувшись матери в плечо
Елена шепчет глухо, горячо:
— Ах, мамаша... мамаша...
— Что, доченька?

— Так. Ничего. Просто захотелось назвать вас матерью. Вам все так говорят — мать, даже чужие.

— Все. Только сыновья не говорят. Где-то они теперь?

— Не знаем, ничего не знаем... А руки какие у меня стали, какие противные белые руки. Бывало сердилась, что свинец в них въедается, как работала в типографии, а теперь... вот уж как забелились... Ах, мамаша, милая...

— Тоскуешь, дочка?

Лена

Ох, как я тоскую!
Я и шепчу, чтоб сердце заглушить.
Я все шепчу...

Ирина Власьевна

Шепчи, дитя, шепчи.
Еще не знаешь ты, что громче вопля
невнятный шопот горя... что страшнее
угроз открытых — тайный шопот гнева:
где шепчутся — там заговор идет.
Шепчи, шепчи.

Уже луна плывет на небосклоне.
— Пойдем-ка, дочка... Поздно... время спать...
Вдруг тихий стон.
— Мамаша, кто-то стонет! —
Встает, прислушиваясь к ночи, мать.
— Почудилось...
— Да нет, мамаша!

Ирина Власьевна

Нынче
и камни стонут, и земля вздыхает,
и воздух бредит...

Но в ее слова
ворвалось:
— Братцы, помогите... братцы...

— Солдат зовет. Солдат. Елена, ты права...
Он где-то рядом. Нам легко добраться.

. . .Он рядом, за забором, в неглубокой
воронке, вырытой снарядом. Он
без памяти. Луна уже высоко,
солдат прозрачным светом озарен.

Ирина Власьевна

Совсем мальчишечка. Кругом изранен.
Наверно, из последних, с той скалы.

Лена

Сережа... Матушка... Да это ж он!
Мой, мой Сережа!

Ирина Власьевна

Слышу, Лена. Тише.
Смочи ему водой лицо и рот.
Послушай сердце.

Лена

Сердце еле слышно.
Бегите к фельдшеру Жиго́... Он там,
там, у колодца, в доме, где крыльцо
и угол сохранился...

Ирина Власьевна

Знаю. Только
мы, может, сами выходим его?

Лена

Да нет, смотрите — кровь течет. Наверно,
открылись раны. Без врача нельзя.
Бегите же. Не бойтесь — это добрый,
хороший человек... Бегите, мама...

Ирина Власьевна уходит. Лена встает перед любимым на колено.

Лена

Сергей! Сережа! Милый мой, ты слышишь?
Очнись на миг.

Сергей

Ты, Лена? Это ты?
Ты снишься мне, Аленушка? Не надо.
Я, кажется, уже совсем...

Лена

Неправда!
Ты будешь жить: ведь я люблю тебя.

Сергей

Ты, правда, любишь? Ты не говорила...
Ты гордою была такой, — тогда...
Тогда, давно...

Лена

Люблю. Я не успела
сказать тебе об этом до войны.
Я все ждала чего-то, я не смела,
и кто же знал, что сроки сочтены,
что оставалось жизни слишком мало...
И — вдруг война... И вдруг тебя не стало.
Теперь я знаю — ждать не надо больше.
Ты слышишь, слышишь? Сердца не тая,
люблю тебя давно и долго — дольше,
чем длится жизнь короткая моя.

Навек люблю, — теперь, когда не может
за день свой поручиться человек, —
люблю навек... Люблю за час, быть может,
до гибели, а стало быть — навек.
Люблю тебя.

Сергей

Аленушка... Я счастлив!
Но только ты прости меня...

Лена

За что?

Сергей

Прости за то, что город наш разрушен,
за то, что наша Родина страдает,
за то, что мы еще не победили,
за то, что я, защитник твой, к тебе
из-под камней приполз, и вот калекой
беспомощным лежу перед тобой,
и раны пахнут...

Лена

Я люблю тебя.

Сергей

Я встану, встану! Как я буду драться!
Каким я мир верну тебе назад, —
веселым, добрым, щедрым и влюбленным,
в сто раз прекраснее, чем до войны.
Самой любви таким он только снился!
Возьмешь такой?

Л е н а

Возьму и не отдам!

С е р г е й

Я все теперь смогу за эту ночь
среди развалин...

Л е н а

Эта ночь прекрасна.
Ты знаешь что? Так начиналась Жизнь.

С е р г е й

О да! Так начинается Победа.

АКТ ВТОРОЙ

Рассвет, — легчайший, розоватый. Площадь.
Кругом остатки стен, колонн обломки,
а посредине площади — колодец,
восьмиугольный, каменный, — такой,
какие были в древности глубокой.

На площадь вышла Лена. Подошла
к углу руины, села на ступеньки,
закинула счастливое лицо.

Он там, ее жених, за этой дверью...
«Он спит еще. Утихла боль, я знаю.
Пусть долго спит... А утро все светлей...
А небо, небо! Я его таким
еще ни разу в жизни не видала:
оно совсем пернатое! Оно
сплошным крылом склоняется над нами.
Мне так тепло под ним... мне так тепло...»

И в полудреме счастья и покоя
она сидит у двери. А на площадь
приходит мать. Ей поручил народ
хранить колодец с пресною водою,

единствённый теперь на целый город,
и воду горожанам раздавать.
Вот крышку деревянную снимает
и над колодезною пустотой
лицо свое тревожно наклоняет.
Сейчас сюда сойдутся — за водой.
И шепчет мать:

— Ну, прибывай, прибывай, вода.
Люди же скоро придут сюда.
За ночь уста им тоска запекла,
за ночь слеза им глаза обожгла.
Ох, мало тебя,
                    ох, мало,
мало за ночь тебя набежало.
Если бы, матери, стать бы мне
живой водой
                    на такой войне, —
раны обмыть,
                    уста утолить,
                                        огонь залить...

Уже восходит радостное солнце,
трепещет воздух розовый.
                                        На площадь
стекаются из-за развалин люди.
Идут из темных и сырых подвалов,
из полуразвалившихся хибарок,
идут с посудой разной. Но легка
их ноша: ведер нет, — кувшин, бидончик.
Суровы нормы водного пайка.
Здесь знают цену каждого глотка,

Людей все больше...

Негромко, как при мертвом переговариваясь меж собой, они выстраиваются в очередь, ждут воды. Вошла Анна с кувшином, села в стороне на камень.

А н н а *(про себя)*

Я до утра сидела на ступенях
разрушенного дома своего.
Ждала — Андрей опомнится, вернется...
Я прокляла войну, любовь, его, —
все прокляла и ко всему взывала.
Напрасно. Мне ничто не помогало.
Меня стыдила собственная тень.
Она легла через порог на плиты
совсем такая ж, как в ту ночь, когда
я провожала прямо в бой Андрея
спокойно, даже гордо. А теперь
меня сжирает, жжет одно сознанье,
сознанье, что его теряю снова,
его, почти воскресшего, теряю
теперь уж навсегда и безвозвратно:
смерть никого не возвратит вторично,
а он опять идет навстречу ей.
О, как его сберечь, как оградить,
что сделать...

Вся в себя погружена,
она совсем не слышала, как Лена
к ней подошла, доверчиво и громко
шепча:

— Да разве ты еще не знаешь?
Он — в городе! Ты слышишь? Он живой,

И Анна вздрогнула, взметнувши головой:
— Молчи... кто — он?..
— Твой муж, Андрей Морозов.
— Мой муж погиб. Ты бредишь, замолчи.
— Он тоже жив.
— Как — тоже? Ты видала
кого-нибудь, кто выдал?

Лена

Выдал? Нет!
Сергей сказал, жених. Андрей Сергея
спас, понимаешь? Из-под Керкинеса,
из моря вынес, и в подвале спрятал,
и к дому матери принес вчера.
Теперь он здесь, Сергей, — он в этом доме
у фельдшера. Его сюда сама
я привела сегодня поздно ночью.
И, знаешь, фельдшер не узнал меня!

Анна

Ты привела его сама? Напрасно.
Совсем напрасно...

Лена

Анна, не пугай.
Он, правда, слаб, но будет жить, я знаю.
Он говорил — Андрей был тоже ранен,
но встал теперь...

Вокруг столпились люди,
прислушиваясь жадно. Громко, властно
перебивает Анна:
— Замолчи!

Твой бедный мальчик, может быть, помешан...
Я там была — одна... я опознала...
Морозов, муж мой, мертв. Его нельзя
ни ждать, ни видеть, ни найти... Довольно.
Не растравляй мне сердце, замолчи.

Долгая, угрюмая пауза.

Первый старик

Неужто ж правда, что погиб Морозов?
Ведь говорили — где-то здесь, в Крыму...

Второй старик

Лететь, рассказывали, отказался,
как уходил последний самолет.
«Летите, говорит, а я останусь...»

Первый старик

Не так! Он говорил: «Попутный ветер,
а мне из города дороги нет
ни пó морю, ни по земле, ни в небе...»

Анна

Я вам клянусь, что нет нигде Андрея.
Погиб на той, последней батарее.

Первый старик

Ну, если ты клянешься, — значит, правда.
Уж он бы к нам пробрался, он бы смог.

Женщина

Любил народ... Он мне помог мальчишку
поставить на ноги: калечкой был сынок,
а стал героем...

Второй старик

Был Андрей Васильич
простым, не гордым... людям доверял...
Эх, жалко...

Народ

— Жалко... Лучших выбивают...

— Товарищи, так как же дальше жить?

— Граждане, милые, да что ж это делается, да посмотрите вы сами на себя, какие мы стали, как мы в родном своем городе воду берем, глоточек воды...

— И все сиротеем, все сиротеем!

Ирина Власьевна

Берите воду, граждане... Довольно,
не надо больше плакать. Посмотрите —
колодец полон. Где-нибудь дожди
прошли сейчас, узнав про наше горе.
Давайте ж, граждане, — глотком воды,
которая как жизнь для нас сегодня,
помянем все Морозова Андрея,
защитника и друга своего.
Попейте, граждане...

Анна

А-а, нет, не надо!
Не пейте за него, не пейте... страшно!!

Ирина Власьевна

Пей, бедная, пей первая. Глотком
холодным освежи хотя бы сердце...

Анна

Нет, не хочу, не буду...

Лена

Анна, Анна,
как я тебя жалею. Как хочу,
чтоб ты, как я, была такой счастливой,
чтоб ты...

Ей не пришлось договорить.
К дверям,
туда, где спит Сергей, идут фашисты.
И Лена, крикнув, рухнула к ногам
Ирины Власьевны, ее не подхватившей.
И площадь обмерла, дыхание свое
не выдохнув, безмолвно цепенея:
предательство дохнуло на нее,
лютее смерти и врагов страшнее.

...Его вытаскивают из дверей
и волокут по площади куда-то,
и рвется, и звенит среди камней
последний возглас русского солдата:
— Прощайте, граждане, не поддавайтесь...
Мы победим... Да здравствует народ...
Аленушка, невеста, мир придет, —
я обещанье выполню!.. Прощайте...

Единый вздох на площади глубок.
Единым вздохом:
— Нас прости, сынок...

Все слышат очередь из автомата,
и — тишина, тяжеле гробовой...
...Из двери вышел бледный, рыжеватый
Стефан Жиго́. Все смотрят на него.

Он вместе с ними много лет прожил.
Из этого колодца воду пил.
Вот он шагнул к нему...
Но мать:
— Куда?
— Водички б мне...
— Здесь не твоя вода.
Пошел отсюда! Здесь горюют люди.
Тебе ни хлеба, ни воды не будет.
Мы приговор наш стали исполнять.
Вы все его запомнили?
— Все, мать.

Ее внезапно силы оставляют
и, руки опустив, подняв лицо,
не закрывая глаз, она рыдает
навзрыд, за всех, за всё.
Угрюмый ропот
растет в толпе, отчаянья прилив,
глубинный стон тоскующей земли.

— Товарищи, так как же будем жить?
— Да где же наша Армия, защита?

— Да неужели ж правду немец пишет,
что вся она разбита... вся разбита...

— Граждане, милые, да хоть бы один-единственный наш самолет прилетел, пусть бы он нас бомбил, пусть бы жег, — легче было бы, знали бы, что есть где-то Армия, наша Армия...

— Да неужели ж больше не вернется,
да неужели ж не вернется к нам?

Отчаянье растет, дымятся слезы,
вот женский вопль возник, еще глухой,
и в этот миг — как из земли — Морозов
встал рядом с матерью, перед толпой.

Он громко крикнул — люди обернулись:
— Не плачь, мамаша. Мы уже вернулись!

Он поднял Лену, за плечи держа.
Он говорит с ней так, чтоб все слыхали:
— Встань, девушка, с земли... Я утешать
тебя не смею. Я перед тобою
виновней всех. И я горюю только,
как все твои сограждане, — с тобой.
Ну, встань с земли. Вот так. И прислонись
плечом к плечу другого человека.
Вот так. И повторяй: «Я не одна».

Лена

Я не одна... Я не одна... А он?
А он теперь навек один... Я тоже!

Андрей

Ты не одна: ты с нами. Ты — с людьми.
Ты с Партией. Ты с жизнью. Ты — с народом.

Народ

— Товарищи, никак Андрей Морозов?
— Похож...
— Да нет!
— Похож!
— Да он убит,
сама жена сказала...
— Нет, Морозов...
— Его повадка!
Товарищи, закройте его с дорожки...
— Граждане, стенкой, стенкой встаньте вокруг него.
— Стенкой, граждане...

Народ окружает собой Андрея со всех сторон, стеной. Никем не назначенные дозорные встали на краях площади.

Андрей *(Лене)*

Ты слышала, как твой жених кричал:
«Мы победим!» Он прав: мы побеждаем.
И Армия и Родина жива,
И живы мы, народ, пока мы верим
В Россию, в Партию, в Центральный Комитет
и в человеческое благородство.
Встань, девушка, спокойней и прямее,
почтим пред гражданами твоего Сергея.

Лена

Подарок мне жених мой обещал.
Обняв меня рукою опаленной,
«Каким я мир верну тебе, — сказал, —
веселым, щедрым, добрым и влюбленным...
Возьмешь такой?» — Возьму и не отдам.
Подарка свадебного дорогого
не уступлю ни смерти, ни врагам.
Но за него, за щедрого такого, —
сначала месть. Пусть прежде будет месть.

Андрей

А мы — народ и Армия — мы здесь,
и здесь, в плену, под нашим красным стягом
даем любимой Родине присягу.

Он выхватил обрывок кумача,
затрепетавший в солнечных лучах,
взлетевший пламенно и горячо
истерзанного знамени клочок.

Андрей

Да будет нерушимым наш закон.
Да будет к смерти враг приговорен.
Да будут святы Партии заветы.
Да здравствует навеки власть Советов!

И площадь грянула, полна дневного света:
— Да здравствует навеки власть Советов!

...Андрей исчез в толпе, ушел за камни.

В суровом ликовании, в волненьи
между собою люди говорят.

Народ

— Андрей Морозов!
— Жив!
— Он с нами, с нами!
— Уж если здесь, то значит неспроста.
— С Москвой, конечно, держит связь...
Он знает,
он знает все! — Все правда, что сказал.
— А вдруг не он?
— Похож.
— Нет, не похож!
— Жена сказала — мертвый. — Быть не может.
— А все-таки...
— Он, Анна?

Анна

Это он.

Ирина Власьевна

Но ты клялась, что — мертвый...

Анна

Я лгала.
Я утаить его от вас хотела.
Простите, граждане.

Ирина Власьевна

Сама себя прости.
Прости, попробуй...

С площади народ
расходится. Одна осталась Анна.
Она не набрала себе воды, —
сама забыла и о ней забыли.
Все выше солнце. Женщина стоит
с пустым кувшином над пустым колодцем.
Полдневный тяжкий зной ее палит,
и запах тленья от руин несется.
Ей воспаленных глаз не отвести
от дома, где предательство свершилось.
«Сказала мать: «Сама себя прости».
Так только совесть осудить решилась.
Нет, мать... Я не прощу... Моя вина.
Любовь — измена, а не оправданье,
когда стеной становится она
между тобой и Родины страданьем.
Нет, мать Россия. Не прощай меня,
пока не искуплю сегодняшнего дня».

Раздавлена — и снова рождена
она стоит среди руин. Одна.

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ТРАГЕДИИ

Прошло полгода молчанья
        с тех пор, как стали клубиться
в жажде преображенья,
        в горячей творящей мгле
твоих развалин оскалы,
        твоих защитников лица,
легенды твои, которым
        подобных нет на земле.

Прошло полгода молчанья
        с тех пор, как мне стала сниться
твоя свирепая круча — не отвести лица!
Как трудно к тебе прорваться,
        как трудно к тебе пробиться,
к тебе, которой вручила
        всю жизнь свою — до конца.

Но как сквозь терний колючий,
        сквозь ложь, клевету, обиды,
к тебе — по любой дороге,
        везде — у чужих и в дому,

в вагоне, где о тебе же
навзрыд поют инвалиды,
в труде, в обычной заботе
к сиянию твоему.

И только с чистейшим сердцем,
и только склонив колено,
тебе присягаю, как знамени,
целуя его края, —
Трагедия всех трагедий — душа моего поколенья,
единственная,
прекрасная,
большая душа моя.

Весна 1947

АКТ ТРЕТИЙ

...И в дебрях города, в развалках одичавших —
они непроходимее болота,
дремучей леса, неприступней гор —
Андрей Морозов стал крепить подполье.

Их звали — «городские партизаны»,
в отличье от обычных партизан.

Немного дней — не более недели
прошло с полдневной клятвы у колодца,
а уж враги почувствовали сами,
что в городе хозяин завелся.
Потом до них дошли глухие слухи,
пока что принятые за легенду:
глава Совета — жив Андрей Морозов.
Он здесь, и люди слушают его.

Андрею Павел доложил об этом.
Андрей сказал:
— Отлично, брат. Пусть знают,
что на местах, как прежде, власть Советов,
что Партия народ не оставляет.

Сменить все явки. Но сегодня в ночь
прийти руководителям пятерок
на городище, к Хмаре, в винодельню,
за новыми заданьями. Я жду. —

...Полураскопанное городище,
огромная багровая луна
над стройною базиликой, над башней
когда-то грозной городской стены,
над морем, нежно плещущим о берег.
Опять развалин царство. Но оно
почти волшебно и в сто раз живее,
чем город. В глубине освещено
нетронутое здание музея.
Там хлещут немцы крымское вино,
и чужеземный голос патефона
доносится до древней винодельни,
где притаились Хмара и Андрей.

Их окружают мощные сосуды,
хранившие неведомые вина
тысячелетия назад. В углу
стоит, мерцая, мраморная стела
в узорчатых глубоких письменах.

Хмара

...А у фашистов — снова пир горой.

Андрей

Пускай пируют. Нам спокойней будет.

Хмара

Вам даже их не больно слушать?

Андрей

Нет.

Хмара

Завидую... А я сегодня болен.
Мне трудно нынче: я — осиротел...

Андрей

Простите... кто же? Я совсем не помню
родни у вас...

Хмара

Да, у меня родных
давно не стало — тоже в дни войны,
гражданской. Все, что я с тех пор имею, —
вот эти камни. Для меня они
всё заменили — и жену и сына;
их было двое — не было других.
Мне городище это поручила
в двадцатом молодая наша власть,
и председатель Реввоенсовета,
матрос с «Потемкина»,
— я помню как сейчас —
сказал: «Товарищ, сберегите это:
стремится к знанию рабочий класс».
Он говорил: «Могучие строенья!
Ну, что ж, с разрухой кончим — их потом
изучим с пролетарской точки зренья,
а вам братишек в помощь подошлем».
Я не сберег их так, как надо... Впрочем,
вам не до этого...

Андрей

Иван Петрович,
скажите мне, в чем дело? Я пойму.

Хмара

Вы помните то место над обрывом,
еще не тронутую целину
из пепла, черепков и глинозема?
Уж много лет, как я уверен — там,
в земле глубоко расположен храм,
храм Диониса. Древние преданья
твердят, что нет прекрасней ничего,
чем стены и мозаики его
и бога мраморное изваянье.
Преданиям поверили не все,
но я поверил им. Один в Европе
я утверждал, что мы отыщем тропы,
ведущие к утраченной красе.
К раскопкам мы готовились с отрадой,
но — грянула война...
И все же я мечтал,
что сам когда-нибудь открою этот зал
и первым поведу туда сограждан.
Я их восторг предчувствовал!
...И вот
сегодня немцы залили бетоном
нетронутый участок целины,
чтоб ставить там зенитные орудья.
Они трудились с гоготом и свистом,
они кричали: «слафно, герр профессор»,
а я смотрел и, сладко улыбаясь,
за преступленье варваров хвалил...

Андрей

Итак, там батарея? Что ж, отлично.
Узнать бы мощность...

Хмара

Я узнаю сам.
А Дионис — он вновь погиб, вторично...
Таинственный, прекрасный, древний храм
теперь навек погиб...

Андрей

Учитель! Не тоскуйте:
врага прогоним — и бетон взорвем
немедленно...

Хмара

О нет, нельзя, о, что вы?!
Бетон взрывая, вы взорвете храм,
и только прах получите и хлам...
Нет, нам придется не взрывать — вручную
долбить могильно-тяжкую кору,
и осторожно, тихо, горсть за горстью
снимать напластования земли, —
напластованья лжи, насилья, злобы...
Тогда в награду за долготерпенье
из недр навстречу будет вырастать
такое ж чудо, как вот этот мрамор,
вот эта стела с клятвой Керкинесу, —
душа, исполненная высшей страстью —
людской любовью к Родине своей.

Андрей

Прочтите мне ее... Хочу точнее вспомнить,

Хмара кладет руку на мраморную плиту и, не глядя на нее, наизусть читает:

«Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем и Девою, и героями, кои владеют городом, — я не предам ни Керкинаса, ни Прекрасной гавани, ни прочих укреплений, ничего никому — ни эллину, ни варвару, но буду охранять для своего народа. Буду врагом злоумышляющему и предающему Керкинас или Прекрасную гавань, буду служить как можно лучше и справедливее для города и сограждан; и не открою ни эллину, ни варвару ничего тайного, что может повредить городу... Если же я с кем-либо вступил в заговор — да не приносит мне плода ни Земля, ни Море, женщины да не рождают мне прекрасных детей...»

Вот эта клятва древняя... Она
в земле лежала два тысячелетья,
чуть не погибла в час бомбардировки,
и нашими бойцами спасена...
И я ее сегодня повторяю
как собственную, сложенную мной.
Вот так душа опоры ищет в прошлом.

Андрей

О нет, неверно: в будущем! Все то,
что создает любовь, отвага, верность,
как звездный луч, идет от сердца к сердцу
вперед на целые тысячелетья
и прошлым не становится вовек...
И мы сегодня с вами защищаем
все лучшее, что только было в мире,
все высшее, что он еще создаст.

Не правда ли, учитель, это счастье,
хотя и очень страшное подчас...
Но скоро полночь. Вам пора идти
к некрополю, встречать людей.

Хмара

Иду.

...Он не успел и трех шагов шагнуть,
как женщина загородила путь.

Анна

Ох, наконец... Ну, наконец нашла.
Где мой Андрей? Вы знаете. Скажите!

Хмара

Пароль.
— Пароль? Какой? Не понимаю.
— Зачем же вы пришли сюда? Пароль.
— Да что вы? Я — его жена.
— Я знаю.
Пароль.
— Да ну, не мучьте же меня.
Я знаю, знаю, вы меня за площадь,
конечно, презираете...
— Напрасно,
ах, как напрасно вы сюда пришли.
— Напрасно? Нет! Сведите же к нему...

Но голос услыхав ее, узнав,
Морозов вышел, говорит тревожно.

— Что здесь случилось?

— К вам пришла жена.

Пароль ей неизвестен. Осторожно.

Хмара уходит.

— Андрей!

— Ты, Анна? Ты — зачем пришла?

— Да, я пришла... Я не могу иначе.
Но ты не бойся. Я — не как жена.
Забудь об этом. Я пришла не плакать
и не просить, чтоб ты себя берег.
Я мучусь, вспоминая площадь. Я
пришла работать с вами, — я сумею...

Андрей

Постой, постой. Кто явку дал тебе?
Кто сообщил тебе...

Анна

Какая явка?

Да ведь со мной почти не говорят,
и я боюсь заговорить... я просто
все эти дни везде тебя искала,
все камни, все подвалы обошла,
конечно, осторожно... И внезапно
я вспомнила, что ты его в тот вечер,
Иван Петровича, прислал за мной,
и я сюда, к нему пошла...

Андрей

Постой!

Каким путем ты шла сюда?

Анна

Обычным,
прямою городской дорогой.

Андрей

Анна,
ты опрометчива и безрассудна,
а говоришь, что шла «не как жена».
Ведь я б тебя позвал... но не сегодня —
когда бы ты понадобилась нам.
А вот сейчас — убить готов...

Анна

Я знаю,
ты разлюбил меня. Ты прав.

Андрей

Нет. Никогда
я не любил так горько и так нежно,
как в эти дни, когда война стремится
стереть с лица земли, как древний храм,
любовь, и право на нее и счастье...
Но ты забыла обо всем на свете!

Анна

Андрей... но я...

Андрей

Молчи! Сюда идут.
Патруль фашистский. Быстро... встань
за мною.

Метнулись в винодельню. Им отрезан
отсюда путь... за амфоры, во мрак
забилися. Но слышен каждый шаг,
и разговор, и звяканье железа.

Голос предателя Жиго

Господа, она где-то здесь. Я заметил, как она выходила из города, — и сразу за ней. Не успел никому доложить. Возле городища она побежала, я отстал, и сразу к вам... Он тоже может быть здесь.

Ломаная речь фашистов

— Ты водишь нас за нос, старик, как будто. Смотри.

— Нам говорили — живой Морозов есть красная провокация, нарочно.

— Солдаты Гитлера мертвеца не будет бояться.

— Старик, ты есть тоже красный, ты путаешь нам...

Голоса удаляются, стихают на время.

Андрей

Сейчас сюда придет моя пятерка...
Сейчас они обыщут каждый камень...
Бежать к некрополю? Предупредить?
И это поздно: без минуты полночь.
Они уже идут сюда... идут...

Анна

Андрей, пусти меня. Я выйду к немцам.
Я уведу их.

Андрей

Нет. Я не пущу.
Я не могу...

Анна

Молчи! Молчи — ни слова!
Всё, — но не малодушие твое.
Ты должен жить... Я знаю, что сказать.
Я уведу. Пусти же... Это я,
я привела сюда их за собою,
опять за ней, за женской, за слепою,
себялюбивою своей душой...
Да ну, пусти же, не держи.

Андрей

Мне страшно.
Они тебя пытать начнут. Замучат.

Анна

Мне легче будет, чем сейчас с тобой.
Они не вырвут у меня ни слова,
ни стона даже. Я ожесточилась.
А мать увидишь — поклонись ей в землю,
скажи, что не простила я себя.
Прощай.

Порывисто ее объятье,
и, тихо выскользнув из тайника,
укрыта темной шалью, в темном платье
она в тени становится пока.
По гулким, по тысячелетним плитам
опять шаги и разговор сердитый.

Фашисты

— Ты водишь нас за нос, старик, как будто... Туда и сюда...

— Ты хочешь виселица, старый провокатор?

— Ему померещился этот баба.

Предатель

— Я уверяю вас, господа, она где-то здесь... Я уверяю.

Анна выходит из-за стены.

— Вот она... Хватайте ее!

Анна делает движение, будто бы хочет убежать. Окрик — «Хальт!» — она поворачивается лицом к немцам, и вдруг сама — сама идет на них.

Она огромной кажется. За нею
волочится большая тень, чернея;
ее лицо спокойное страшней,
чем гипсовая маска при луне.
Она идет на немцев — как растет.
Так рок идет,
так смерча столб идет.

Предатель

— Сумасшедшая... Как испугала меня. Где Морозов? Жив? Нет? Где? Здесь?..

Анна

Час тому назад он был в городе. Ведь мы шли с тобой оттуда ровно час, — верно?

Предатель

Ты шла к нему...

Анна

А может, от него?
Да не одна, — еще с тобою вместе.
Глупец! Ты думал — я и не видала,
что ты бредешь за мной? Ну? Кто хитрей?
Ищите здесь, собаки... Здесь — спокойней.
А в городе — там будет пострашней
сегодня ночью. Ну? Ищи скорей.

Предатель

— Господа! Она провела нас... В город, в гестапо! Они готовят что-то крупное... Иначе они не выдали б ее... В город! Он — там...

Фашисты

— Ты водишь нас за нос, глупый старик. Тебе будет плохо. Фу, как ты дрожишь!

— Нам же сказали, Морозов — одна красная провокация.

Предатель

— В штаб, и на машине с нею — в город! У нее слишком важные сведенья. Вас наградят, господа!.. В город!

Фашисты уводят Анну. С ними бежит предатель.

Они не знали, что на них глядели
подпольщики из мрака винодельни.

По улочкам, похожим на траншеи,
они пришли сюда.
Мать обняла Андрея.

Ирина Власьевна

Андрей Васильевич... Приди в себя.
Очнись, родной.

Андрей

— А-а... Хорошо. Ты, мать?
Она тебе велела поклониться.
Нет, я не то сказал...

Ирина Власьевна

Ты помолчи...
Ты погоди, сынок... Пускай душа
оправится немного.

Андрей

Нет, мамаша,
нам ждать нельзя. Они в ее обман
поверят лишь на миг. Предатель глуп,
патрульный пьян, но в штабе поумнее.
Они сейчас прочесывать начнут
все городище и, конечно, город.
Всем надо скрыться. Несколько минут
у нас в распоряженьи. Кратко, скоро
докладывайте, что́ готово.

Семен

Взрыв подготовлен. Склады будут рваться
почти в теченье часа.

Андрей

Хорошо.

Семен

На завтра был намечен взрыв. Но лучше,
чтоб ночью он произошел.

Андрей

Зачем?

Семен

Пусть будет правдой все, что говорила
предателю сейчас твоя жена.
Она им в эту ночь беду сулила.
Так пусть же будет эта ночь страшна.

Андрей

Пусть будет так.

Лена

Я вынесла шрифты.
Готова типография. Сегодня
всю ночь я буду набирать листовку,
которую вчера составил ты.

Ирина Власьевна

Я матерью призналась к двум бойцам,
к двум пленным раненым.
Хожу к ним в лагерь. Скоро
ночной побег организуем там,
а беглецов в развалках скроет город,

В большом подвале, возле наших улиц
мы госпиталь подземный развернули.
Нам хватит и посуды и белья:
его недаром сберегала я.

Андрей

Так. Все пока в порядке. Но побегом
я буду сам руководить. На днях
на новой явке сходка. Мой приказ —
покуда не встречайтесь. Под ударом
мы с этой ночи. И никто из нас
не смеет погибать напрасно, даром.

Павел

А тот... предатель? Что нам сделать с ним?

Ирина Власьевна

Мы сами — женщины — его казним.

Все разошлись. Морозов и хранитель
одни.
— Пора, Морозов, уходите.

Андрей

Да, да, сейчас... Она уже в гестапо...
Ее возьмут немедля на допрос...
Ее... Она... А как из рук рванулась,
чтоб выйти к палачам...

Хмара

Вот здесь вода, —
глотните... Я вас утешать не в силах.
Но чем могу помочь вам?

Андрей

Дико вспомнить,
что я тогда ответил: «Вы пойдете
на Керкинес. Вы дома моего
не обойдете. Постучитесь к Анне,
скажите ей: я жив и жду ее».
Чем был тот миг? Припадком малодушья,
безумием? Я знал же — дом разбит,
зачем же вас просил ее окликнуть
так, наугад...

Хмара

Вы окликали жизнь,
из бездны звали...

Андрей

Вы великодушны.
Но нам не оправданье даже смерть.
Пойдемте же! В музее стихло пенье,
враги уже идут сюда, быть может.
Вам надо скрыться.

Хмара

Думаю, что нет.
Они к моим чудачествам привыкли
и знают, что я здесь живу и сплю.
Сейчас я сяду и зажгу светильник,
тысячелетия назад погасший
и снова замерцавший в наши дни,
в годину мирового затемненья.
Меня за книгою найдут они,
спокойного, в спокойном размышленьи.

Врагов обманет это безучастье,
вся эта сумрачно-седая сказка,
как до сих пор мое подобострастье
обманывало — ненависти маска...
А смерть — ну что же... Но пока дышу,
я буду здесь, во всем пригодный вам,
оберегая этот мрамор с клятвой
и твердо помня, где закопан храм.

Андрей

Но если все же храма нет?!

Хмара

Он есть.
Он должен быть. Мой пост военный — здесь.
На нем ни вы, ни девушка, ни мать,
но только я — один — могу стоять.
Я выстою. Я этими руками
сорву с мечты искусства плоский камень.
А если все же враг раздавит зданье —
за горстью горсть отсеяв гниль веков,
из пепла, из костей и черепков
я вновь его построю — по преданьям!
Нет, никому вовеки ничего:
ни эллинам — их род жадней всего, —
ни варвару с его презренной плетью, —
но сохраню для мира моего,
для самой чистой радости его, —
вперед на целые тысячелетья.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

...В те дни,
в том городе — разбитом, но прекрасном,
почти безлюдном, тихом, но не мертвом,
плененном, но не сдавшемся врагам, —
вся жизнь людская перешла на площадь,
туда, где люди вместе быть могли.

И шли на площади с единым горем,
с единою судьбой, с единой верой,
и у колодца их сводила жажда,
а на базарной площади — нужда.

И все, что раньше за порогом дома,
в своей семье таилось, — все пришло
на площади, и стало всем известно,
и не стыдился этого никто.
И не боялись люди в эти годы
пред всеми — каждый — сердце обнажать,
и хлеб последний взять или отдать,
и разучились пред собою лгать,
и не страшилися своей свободы.

Я знаю это все по Ленинграду.

Стоял сентябрь сорок второго года
. . . .
а утро было свежим и лучистым,
и море тихим, как большое счастье,
и девушка с букетом красных маков,
прикрыв цветы платком и озираясь,
среди развалин по тропинке шла.
И вдруг навстречу ей идет другая,
чуть-чуть моложе, с полевой гвоздикой,
но та цветов своих не прикрывает,
и старшая тревожно говорит:

Первая девушка

И ты несешь цветы на ту могилу?
Будь осторожней! Вдруг увидит немец...

Вторая девушка

Нет... я — не на могилу... Я — себе.

Первая девушка

Себе? Зачем?

Вторая девушка

Смотреть на них... Как странно,
как грустно ты спросила. Я пришла
сегодня в этот город... я не знала...
Но разве здесь уже не собирают
цветов — не для могил, а для себя?
Или так мало их?

Первая девушка

Все розы в нашем городе сгорели,
все цветники камнями завалило,

лишь кое-где еще растет шиповник,
да маки дикие среди развалин
вдруг расцветают... Да, у нас цветы
почти исчезли... Но его могила
цветет, не увядая, много дней.
И знаешь? В полдень раскидают немцы
цветы, положенные на рассвете,
растопчут их, сравняют всё с землей,
зальют густою серою известкой,
а за ночь снова из живого дерна
на том же месте вырастает холмик,
и вновь усыпан красными цветами,
и немцам их никак не победить.

Вторая девушка

Я понимаю: там лежит герой,
свершивший подвиг.

Первая девушка

Он героем не был,
сражался он, как и любой солдат.
Но он — жених одной подруги нашей.
Он обещал ей мир вернуть назад
светлей и лучше, чем сейчас, и краше.
Скажи, кто мог бы так пообещать?
Лишь тот, кто мог бы это сделать... Просто
он не успел... Другие женихи
теперь — для всех невест — за это бьются,
за то, что он пообещал одной.

Вторая девушка

Счастливая, как он ее любил!
Она — красива?

Первая девушка

Нет. Она — прекрасна.
Да вот она идет...

Лена обгоняет их. Она идет с корзиной на руке, как обычно идет женщина на базар.

Вторая девушка

У, строгая какая!
Как будто б на лице ее улыбка
не появлялась никогда... Пойдем же,
я тоже отнесу свои цветы...

Они уходят, Лена смотрит вслед.
Над ней такой же, как тогда, рассвет.

Лена

Ему! Опять ему — цветы и слезы
несут совсем чужие... Я одна
с цветами не хожу туда, не плачу,
хотя и знаю, где насыпан холм,
который расцветает каждой ночью.
Нет для меня могилы! .. Даже той,
в цветах непобедимых. Есть *живой*,
но только очень далеко ушедший
в какой-то новый, долгий-долгий бой.
Там будет умирать он сотни раз,
и сотни раз воскреснет к новой муке.
И вот — пока война идет — для нас
не может быть ни смерти, ни разлуки.
Я не хожу к нему носить цветы.

Я каждой ночью в тесном подземелье
при свете каганца полуслепого
из темных маленьких кусков свинца,
спеша, за словом набираю слово...
Иди же, слово, от сердец к сердцам.

Она под камушки на деревянных стойках
подкладывает бережно листовки, —
бумажку сложенную, меньше коробка.
Но их заметят, пустят по рукам, —
их ждут, их ищут:
                                        в тех листках известья
о Родине и об ее борьбе,
о городах, собратьях по судьбе,
призывы к непокорности и мести,
и в легком шелесте листка слышна
священная народная война.

...А на базар стекается народ.
О, сборище исчахших, гордых нищих!
Здесь не торгуют — здесь обмен идет,
вернее — делятся убогой пищей.
Здесь мерой хлеб, сосчитанный на граммы.
У Лены — рыба. Надо обменять
хоть на зерно. С ней рядом встала мать.
— Листки с тобой?
                                        — Еще три штуки, мама. —
Не глядя друг на друга, говорят.
— Освободись от них... Наверное, следят... —
— свой шопот сами же перебивая:
— Вот рыбы, рыбы...
                                        — Ты откуда знаешь?

Ирина Власьевна

Я шла, видала — только что наклеен
приказ немецкий: новая цена
назначена за голову Андрея.
В пять раз теперь повышена она... —
А кто возьмет креветок? — Что-то скоро
пронюхали, что он вернулся в город.

Лена

Товарищи, кто рыбки, грамм за грамм...
А что в лесу?

Ирина Власьевна

Там был большой прочёс,
но фронт узнал... — Креветок не хотите ль? —
Все сведенья, какие он принес,
важнейшие, — их добывал хранитель.
Да вот, не поспешил ли он сюда.

Лена

Здесь Анна...

Ирина Власьевна

От нее ни слуха, ни следа...

Лена

Она меня Аленушкой звала,
как мой Сергей... Жива ль она?

Ирина Власьевна

Едва ли,
провалов не было...

Лена

А вдруг они узнали,
что тот слепой, который нам поет
о Родине... — Вам что, гражданка, рыбы?
А вы нам хлебушком не помогли бы?

Но женщина, что подошла с корзиной,
склоняясь к Лене, тихо говорит:
— На раненых...

...В том городе, в те дни
все знали этот зов. И был он свят. Ни разу
никто не замарал его обманом,
никто, никто! — не оскорбил отказом.
На раненых, — на тех, кто в лагерях,
едва живой от ран и истощенья,
тоскует о далеких матерях
и мается горючей жаждой мщенья.

На сборщицу пытливо смотрит мать.
— Где шефствуешь?
— У доков.
— Что ж, добро.
Возьми еды... попробуй передать
листок со сводкой Совинформбюро...

...Базар людней...
Но как он не похож
на прежний — шумный, пышный, говорливый,
с пьянящим запахом плодов и рыбы.
с веселой бранью молодых рыбачек
и рокотом ликующего моря.

Негромко говорят, тихонько бродят,
и ежатся, случайный смех услышав,
и вздрагивают, если стон пронесся...
...Но этот стон не тронул никого.

Стонал Жиго, предатель. Он бродил
от стойки к стойке, клянча подаянья.
Хозяева его — он им не угодил —
оставили его без пропитанья.
Он, точно пес, лакал из лужи грязной.
Он становился на глазах скелетом.
Исчахший, одинокий, безобразный,
он умирал. И знали все об этом.

Лена

Смотри, опять плетется...

Ирина Власьевна

Пусть плетется.
Уже ему недолго... день, другой, —
помрет своей собачьей смертью, той,
к которой присудили у колодца.

Предатель подходит к женщине, собирающей на раненых.

Жиго

Гражданочка, помогите голодному.

Женщина

Проходи, у меня нет ничего.

Жиго

У вас хлеб есть, хлеб, я запах слышу. Мне кусочек... один... маленький...

Женщина

Как раз такого кусочка у меня и нет!

Жиго

Я заплачу! У меня даже золото есть.

Женщина

Ну и грызи свое золото, — нам его не надо. Ну, отойди, поговорили.

Недобрый тихий смех. Шатаясь, Жиго плетется за развалины.

Ирина Власьевна

А ведь помрет, пожалуй, до зари.
Нам надо... Лена! Что с тобой?

Лена

Смотри!
Смотри... из-за угла... едва шагая...
В платке идет... у самых стен таясь, —
она!

Ирина Власьевна

Ты бредишь... Эта вот — седая,
она? Она?

Подходит Анна: — Я.

Ирина Власьевна

Родная... Аннушка! Жива, жива.
Ну, обопрись же на меня покрепче,
вздохни поглубже...

Лена

И заговори!
Скажи, что ты жива на самом деле.

Анна

Но я не виновата, что жива.
Ты понимаешь — я не виновата!
Я с полночи по городу блуждаю,
до самых глаз закутавшись платком,
не радуюсь ни небу, ни свободе,
и к милым людям подойти боюсь,
и не могу убить себя, а надо б:
я понимаю — эти палачи
затем меня приговорили к жизни,
чтоб люди мне не верили...

Ирина Власьевна

Мы верим.
Ты — наша кровь. Ты не могла предать.

Анна

Нет, не могла. Пытали — не могла.
Вот... видите, какие руки стали?
Они мне жгли, давили их, ломали.

Нет, мне не строить ими, не ваять...
Мне горсть земли, и ту в ладонь не взять, —
вот, видите? Свело — и больно, больно...
Пускай... Ведь я не предала.

Лена

Довольно,
мы видим все. Не трогай землю. Сядь.
Глотни воды. Вот здесь — вода.

Анна

Сейчас.
Вот, кажется, я первый раз вздохнула
и поняла, что близких вижу — вас.
Дошла до вас... дошла... Окончен путь.
Я так сейчас хотела бы уснуть.

Ирина Власьевна

Голубушка. Пойдем ко мне скорее...
Я уложу тебя... Дрожишь... Согрею.

Анна

Не надо греть. Я лягу здесь, на землю,
я буду спать... Ведь здесь вокруг — свои.
Я много говорю? Но это надо мне.
Я *там* лгала, лгала или молчала,
и только в думах да в коротком сне
сама собою, прежнею, бывала.
Такой, как в ранней юности... как в детстве...
И знаете, что мне всего сильней,

всего отраднее звучало? Песня
над колыбелью детскою моей.
Все слышалось, что мама мне поет...
Каким я чудом вспомнила ее?
Хотите, я спою?

Лена

Нет! Нет, потом!
Потом споешь... когда с войны придем.

Анна

Потом? Ну, хорошо. Но там все время
я эту колыбельную твердила,
и даже на одном допросе страшном
ее запела вдруг фашистам, палачам,
зачем — сама еще не понимаю...
Я жизни не ждала.

Ирина Власьевна

Усни, родная.
Прижмись ко мне. Вот так... И спи теперь.

Анна

А ты меня простила, мать?

Ирина Власьевна

Простила.
Не надо говорить об этом. Спи.

И Анну сразу наземь валит сон.
Недвижно мать, прижав ее, сидит...

Народ в дозор встает со всех сторон,
народ притих, — все понимает он,
он размышляет или говорит:

Народ

— Измучена...
— Проклятые! Для них
ни сердца женского, ни скорби материнской,
ни плача детского, ни девичьей любви...

— Вот оттого-то все они погибнут, —
весь их безжалостный
фашистский сброд:
бездушье — мстительно, бесплоден — гнет:
вот оттого-то все они погибнут.

— Всей жизнью мы отчизне нашей служим.
Всё отдаем — и ничего не жаль.
Воюет всё: сама любовь и дружба.
В оруженосцах — женская печаль.

Хмара *(подходя к матери)*

Ирина Власьевна, привет. А это кто?

Ирина Власьевна

А это наша Анна. Из тюрьмы
она сегодня вышла — и уснула
сейчас, как камень, на моих руках.

Хмара

Ее немедля надо увести.
Ее ведь выпустили на Андрея!
Пусть кто-нибудь — не вы! — уходит с нею...

Шопот на площади

Слепой пришел, слепой...

Ирина Власьевна

Теперь нельзя идти.
Но даже если кто-нибудь следит,
не бойтесь — спит. Глубоко, крепко спит.

...В том городе, в те дни
неузнаваемо менялись люди,
как будто много жизней пережив.
Он стал по-новому неузнаваем
и пользовался этим сколько мог...

Почти горбатый и совсем седой,
старик с нечесаною бородой,
с открытыми, но «мертвыми» глазами,
он сел на камень, поводя руками
вокруг себя.
«Как тихо нынче... странно».
— Ну, женщины, кто хочет погадать? —
И обмерла, разжав объятья, мать:
мгновенно пробудившись, встала Анна.

— Я... Я хочу погадать...

Спокойно подошла к Андрею. Тихо,
как на площадке, в тот большой закат,
протягивает руку: — Погадайте...
Ни радости в лице ее, ни страха,
ни искры в мертвенных его зрачках,

Пред ним — любовь, вернувшаяся с плахи,
из рук насильника и палача,
ее рука, в ожогах и рубцах,
спокойная лежит в его руках.
Пред ним любовь, узнавшая его.
Ни счастья, ни смятенья, — ничего.
Она стоит в величии бесстрашья,
великой мукою закалена,
а он — он видит вдруг ее вчерашней,
смятенной, нежною, когда она
от смерти защитить его пыталась
всей слабостию женской, всей тщетой,
и нет ему сейчас дороже той —
неправильно любившей и простой,
той, от которой тени не осталось.

И яростно Андрею сердце сжала
неукротимая мужская жалость,
та — страшная, кидающая в бой
и жаждущая заслонить собой.
«Зачем ты здесь, на крестной высоте,
любовь моя?! О, как твои ладони
мне руки жгут... Как изглодал огонь их...
Как не сберег я радостные — те?
Взять на руки тебя и унести,
одно твердить — прости, прости, прости...»
Нельзя... Гадай, не медли!
На виду
у всех немое торжество свиданья.
Гадай! И так все обмерли и ждут
губительно-правдивого рыданья.
Вот грянет, и откроет, и предаст,

И Анна спрашивает, все поняв:
— Ну... что ж там на руке-то у меня?
Плохое что-нибудь?
— Сейчас... сейчас...
Какая нетерпеливая!

А н н а

Да ведь всем хочется поскорее судьбу узнать... Вы уж говорите правду, не бойтесь...

А н д р е й

А чего ж мне бояться, гражданочка, милая... Линии на руке у вас благоприятные... Все сразу можно понять. Признаться — люблю такие руки... я люблю их...

А н н а

Правду говорите?

А н д р е й

Только правду, гражданочка. Ближайшее будущее у вас счастливое: ваше имущество в скором времени отыщется. От сердечного друга получите приятное известие. Если вы в нем сомневались — можете успокоиться.

А н н а

Нет, я не сомневалась в нем. Спасибо, гражданин... Только, простите, поблагодарить мне вас нечем...

Андрей

Ну ладно, милая. Мне граждане помогут,
а я им песенку одну спою...

Ни радости в лице ее, ни страха.
Его глазам сверкнуть запрещено,
и только сердце так и рвет рубаху,
своим же мужеством опьянено.

Откашлялся, тихонько взял гармонь.
Еще горит в руках — ее ладонь...
Ладонь победы, бедная, ее...

Шопот на площади

— Товарищи, слепой, слепой поет...
— Следите за тропинками сюда.
— Ну, пойте, дедушка... Давайте шапку!
Мы вам пока хоть корок наберем.

Как на ладах горит ее ладонь,
ладонь победы...
                    Сдерживай огонь,
ты ничего не видел, ты — слепой.
Тихонько, хрипло, осторожно пой.
Напев знаком, и люди будут вторить.
Напев любим —
«Раскинулось море широко»...

Андрей *(поет)*

Есть город старинный на Волге,
ты имя его сбереги.
Упорно, жестоко и долго
тот город штурмуют враги...

Как туча тяжелая, вьется
над ним пикировщиков рой,
но гордо стоит, не сдается
истерзанный русский герой.
И время, товарищи, будет, —
врага он отбросит назад...
Так пусть же советские люди
как клятву твердят — «Сталинград»...

Шопот на площади

— Сталинград! Товарищи,
Сталинград держится!
— Товарищи, он не сдается... Врут немцы!

Предатель вновь появляется на площади, из-за развалин. Анна прижалась к Хмаре.

Анна

Предатель... Видите?.. Опять он тут...
Он здесь... Он все поймет... Они придут...

Хмара

Не бойтесь, Анна. Он не страшен нам.
Не стоит он малейшего испуга.
Предательство опасно только там,
где нет доверия людей друг к другу.
И даже больше: горький опыт века
еще одно понятным сделал мне:
где человек не верит человеку —
там нет народа и отчизны нет.
А мы — мы верим. Видите — Андрея
опять стеной загородил народ

как власть и честь свою. Возмездье зреет.
Где есть народ — предатель не пройдет.

Жиго

Добрые граждане, хорошие граждане, подайте голодному.

Его никто не слушает. Базар
живет обычной жизнью. Незаметно
скрывается слепой. Меняют люди
зерно на рыбу, говорят, снуют,
не отвечая старику, с досадой
отпихивая на ходу его.
А он уже ползет, он еле стонет,
он дышит, точно рыба на песке,
перестает дышать...
И вот тогда
к нему неспешно обернулись люди
все, как один...

Лена

Мать! А предатель умер.

Ирина Власьевна

Оттащите его за камни. И приколите ему на грудь записку: «Казнен голодом и жаждой за предательство. Так поступим с любым, кто нас обманет и предаст».

И как ответ на приговор народа,
гул самолетов в чаше небосвода,

и бомбы свист,
и взрыв, и свист, и взрывы,
один,
другой,
тяжелые,
подряд,
и крик народа, яростно-счастливый:
— Свои пришли!
Бомбят!
Бомбят!
Бомбят!

И взмыл с земли, дрожащей от обвала,
стоустый гул «Интернационала».

АКТ ПЯТЫЙ

...И сквозь пространства, города, сердца
неслась война.
И жизнь была как лава:
всё — рядом с гибелью. Всё — пламя без конца.
Всё — просто быт. Всё за пределом славы.
Неслись минуты, ночи, дни, года...
Их сколько было — мук и счастья полных,
ночей и дней? Ты все запомнил?
— Да.
— А тот крылатый, тот победный полдень?
— О чем ты спрашиваешь?! Погоди...
Тот полдень! Нет! Он у меня в груди
не как легенда, не воспоминанье —
мое сердцебиенье и дыханье.
Тот самый полдень!
Он с Большой Земли
ворвался в город, весь в угаре боя,
и в липкой багровеющей пыли
его бойцы к колодцу подошли
и протянули шлемы за водою.

И молча пили, пили, пили, пили...

Сержант

Спасибо, мать!

Ирина Власьевна

Ты пей, родной. Ты — пей.
Все пейте вволю... подставляйте шлемы.

Солдаты

— Да мы ведь пьем, мамаша... Сладко пьем.
Того гляди — до дна колодец выпьем.

Ирина Власьевна

До дна и пейте... Милые! Да мы —
мы, может, и колодец-то хранили,
чтоб вас сегодня вволю напоить.
Мы ждали вас...

Сержант

Уж вы не обижайтесь.
Мы всей душой спешили город взять,
хоть сами и нездешние.

Ирина Власьевна

Мы знаем...
А что, сержант, скажите — где-нибудь
Сазоновых, Ивана и Василья,
вы не встречали? Я ведь не нашла
их мертвых тел тогда, на Керкинесе,
так, может быть...

Сержант

Сазоновых? Встречал!
Иван Сергеич и Василь Сергеич
Сазоновы... Сергеичи — я помню.
Ну как же, мать? Герои! В орденах!
Да что же ты заплакала, мамаша?

Ирина Власьевна

Петровичи... Петровичи мои.

Сержант

Попей водицы, мать... И ты из боя,
еще из тяжелейшего, чем мы.
Ты понимаешь — фронт велик... Героев
Сазоновых — да их, мамаша, — тьмы.
Отыщешь сыновей.

Ирина Власьевна

Сынок, спасибо.
Вот одного уж будто и нашла.
Дай провожу тебя...

Сержант

Пойдемте, мама.

...Всё новые и новые солдаты
Идут по площади. И женщины их поят,
и гладят плечи их, и отирают пот
с их медных лиц, и в черные ладони
суют подарки: чистые платки,

кисеты, коржики и ветки дуба
с морщинистой младенческой листвой.

Анна

Идут, идут! О, как давно мы ждем их.
С той самой ночи, как на ту скалу
с водою прибежали — помнишь, Лена? —
и некого нам было напоить.

Лена

Не надо вспоминать
о той далекой ночи. Знаешь, Анна,
мне первый раз легко за много лет...
И где? На этой площади... той самой...
Но я — я счастлива.

Анна

А слезы так и льются.
Дай вытру их.

Лена

Не надо. Этих слез
я не стыжусь и не боюсь. Ты знаешь,
сегодня в первый раз его могила
не расцвела. Сегодня все цветы
живым солдатам отданы. И мне
все кажется, что мой Сергей с живыми
здесь где-то, мной не узнанный, идет,
и воду пьет из рук моих, и дерзко
на грозном танке, в ветках дуба, мчится
вперед, вперед... Все дальше от меня,

все ближе к общей славе и бессмертью.
Ты понимаешь?

Анна

Да! А я... а мне —
так хочется работать! Эти руки
почти забыли о своем труде,
забыли, что хозяйка их — ваятель.
Лепить, ваять!.. Теперь я знаю — как!
Я облик наш годам передала бы...
Вот, правда, пальцы после пыток слабы,
в особенности — правая рука,
но я заставлю их... а боль — не в счет.
И, может быть, она еще пройдет...

Лена

Пройдет, родная, все пройдет... Смотри,
опять идут бойцы. Как все устали...
А вон и твой Андрей.

Анна

Андрей! Ну вот,
как щеки вспыхнули. Как будто б я
по возрасту ровесница твоя.
Нет, ты пойми, какое счастье — знать,
что захочу — и подойду к Андрею,
и за руки при всех возьму, и громко
по имени, как прежде, назову.
Скажу: — Андрей! Скажу: — Мой муж
Морозов.
И гибель нам за это не грозит...

Аленушка, Аленушка, прости,
что не скрываю счастья пред тобою,
вдовой солдата.

Лена

Не проси прощенья,
не обижай Победу и меня.

Андрей Морозов, Иван Петрович Хмара, Ирина Власьевна, солдаты подходят к колодцу. Все пьют воду.

Андрей

Жена! А мне ты дашь напиться?

Анна

Пей!
Какой ты молодой сегодня.

Андрей

Правда!
Я с Керкинеса. Сброшены враги
с того же самого обрыва — в море,
с тех самых круч...

Ирина Власьевна

И там сегодня тихо?

Андрей

Да. Очень тихо. Только наше знамя
над кручею клекочет и свистит
под ветром... Да еще прибой шумит.
Он, как *тогда*, — с багровыми гребнями,

и, как *тогда*, — на горизонте дым.
Еще воды. Там не было воды...

Хмара

Круг завершен. Нет, из-под этой кручи
насильникам и варварам не встать!
Друзья, я рад: я встретил день свой лучший,
я главный труд теперь могу начать.

Андрей

А хороша водица после боя.
Спасибо, Анна.

Анна

Милый мой, за что?
Я первый раз пою тебя... Послушай,
мы вечером... мы вместе будем, да?

Андрей

Ну да, конечно. Слушай... ты смеешься?
Я не слыхал твой смех года, года.
Ты — Анна? Это — ты? И — навсегда?

Анна

Я, навсегда. Смотри же, буду ждать я.
Сготовлю ужин, посидим вдвоем,
и я надену розовое платье,
то самое, любимое твое...
Не плачь. Потом, потом — вдвоем... так лучше.
Сейчас — не надо... Выслушай, что мы
решили сделать с площадью...

А н д р е й

Ну, что же?

А н н а

Мы, женщины, хотим ее отстроить,
украсить так, чтоб мир не позабыл,
что́ здесь бывало в дни большой борьбы,
какие проходили здесь герои...
А у колодца я поставлю Мать,
поящую бойца, без пьедестала,
так, как она сегодня здесь стояла.
Такой перед веками ей стоять...

Х м а р а *(Андрею)*

Я тоже с просьбой. Подошлите мне
в мой Керкинес отряд красноармейцев,
покуда не ушли войска.

А н д р е й

Зачем?

Х м а р а

Мне странен ваш вопрос. Зачем? Затем,
чтоб с храма Диониса снять орудья,
чтоб начал я откапывать его.
Бетон тяжел. Он давит ежечасно,
и в глубину земли уходит храм
и крошится...

А н д р е й

Бетон тяжел... Да, он тяжел, мы знаем.
Но все-таки, учитель дорогой,

бойцы придут — и встанут у зениток,
захваченных вчера. Еще война.
Вы поняли?

Хмара

Увы, мой друг, я понял,
Но я... я стар и, может быть, спешу.

Андрей

Да нет, мы все спешим к победе, к миру...
Мы так спешим! Товарищи, друзья!
Давайте в честь сегодняшнего дня
сейчас, спеша, вот этими руками,
с которых дым не смыт пороховой,
начнемте убирать хотя бы камни
с засыпанной, заросшей мостовой.

Народ

— Начнемте, граждане... Ну, женщины,
начните...
— Истосковались руки... Город ждет...
— Товарищи... чуть-чуть посторонитесь:
командующий армией идет...

Входит командарм с офицерами.

Командарм

Вода? Отлично. Дайте-ка напиться!
Благодарю... Сказали мне — он тут.
Кто здесь Андрей Морозов?

Андрей

Я Морозов.

Командарм

Ты? Вот какой. Смотри-ка... не похожий,
не тот, каким воображал по сводкам
и по шифровкам штаба из Москвы.
У нас ведь сказки о тебе ходили —
мол, партизан особый, городской.
Мы трижды за твое здоровье пили,
и трижды три — прости — за упокой.

Андрей

Здесь было трудно... Только я ни разу
не умирал... Но наша связь с Москвой
порой рвалась.

Командарм

И все же — все известно.
Позволь по поручению Москвы
и Сталина — сказать тебе спасибо
и поручить немедля новый труд.
Ты отдыхать не хочешь?

Андрей

Нет. Сегодня ж
примусь за город. Граждане мои
уже сейчас работу начинают,
отсюда прямо...

Командарм

Да. Но — без тебя.

Андрей

Как — без меня? Ну нет, я буду спорить.
Я заслужил, надеюсь, эту честь —

Совет возглавив, оставаться здесь,
где воевал...

Командарм

Но спорить не придется.
Не предложенье у меня — приказ,
и он достоин, как солдата, вас.

Андрей

Мне... вместе с вашей армией?

Командарм

Не вместе.
Не с армией — но впереди нее.
Ты с Запада, навстречу наступленью,
пойдешь теперь — вот так, как вышел к нам:
с воюющим гражданским населеньем,
со сведеньями, как идти войскам.
Задача вам вполне понятна?

Андрей

Да.

Командарм

Ну, что же, приступайте к исполненью.

Андрей

Когда?

Командарм

Сейчас. Мы, дорогой, спешим.
Сегодня вылетишь в Москву. Оттуда
получишь направление... Жена?

А я не знал, что ты женат... Проститесь
и приходи, — я буду ждать тебя.

Командующий армией уходит.

И все, что есть на площади, — все вновь
стихает: небосвод, солдаты, горожане.
И в мире только двое, их любовь,
их — может быть, последнее — мужанье.
Нет, им не стыдно этих многих глаз.
Полны последней правдой и свободой,
открытые, стоят они сейчас
друг перед другом и перед народом.

Андрей

Родная, до свидания. В разлуке
не бойся за меня — кругом свои, народ..
Дай поцелую дорогие руки
навек... на тысячи веков вперед.

Анна

Прощай, родной. Я знаю, что оттуда
нельзя писать. И знака не подать.
Я просто буду думать: жив. Я буду
после победы первой вести ждать.
Нет, ты придешь. В тот вечер буду ждать я,
сготовлю ужин, посидим вдвоем,
и я надену розовое платье,
то самое, любимое твое...

Андрей уходит. Долго, молчаливо
глядит вослед ушедшему народ.

Вдали труба военная поет,
и солнце, солнце в ярости счастливой
встает в зенит, и пышет небосвод,
и камни города исходят зноем.

Лена

Уходят... Слышите, труба играет,
на запад вытянутая, вперед?
О, как за нею сердце замирая
летит вослед, и плачет, и поет.
Любимый мой! Оно вослед тебе
летит и вторит грозовой трубе...

Ирина Власьевна

Играют трубы... Где-то снова бьются
сыны мои... их много — сыновей.
Они вернутся к матери своей,
они с водой далеких рек вернутся.

Анна

Да, — он уходит... Да, труба играет...
Он — впереди звенящих этих труб.
Еще война от них не отрывает
своих жестоких воспаленных губ.
Уходит... Вновь смертельная угроза
висит над ним... Уходит — без меня...
Уходит...

Хмара

Граждане! Андрей Морозов
сказал, что мы с сегодняшнего дня
из груды щебня, пепла и бурьяна

наш славный город станем поднимать,
лечить его чудовищные раны
и мрамором и бронзой украшать.
Он должен встать с земли таким прекрасным,
чтоб мир ему дивился ежечасно.
Начнемте ж труд, чтоб Родине ответить
на кровь ее, на боль и торжество
всей верностию сердца своего —
вперед на целые тысячелетья.
Прошедшие сквозь бой, и смерть, и пламень,
мы приступаем новыми людьми
к свершенью чуда... Анна! Подыми
и положи в фундамент первый камень.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К ТРАГЕДИИ

... И ты уже вдали,
в той бронзоватой мгле,
почти недвижной и почти безгласной.
Твоих следов все меньше на земле,
и города-герои вновь прекрасны.

На постаментах каменных стоят
защитники твои над городами:
из бронзы — девушка,
из мрамора — солдат,
чуть-чуть страша и восхищая взгляд,
а это мы — вчерашние, — мы сами.

Мы жили,
мы дрались,
мы плакали, скорбя,
мы голодали, нам бывало страшно.
Нам никогда не позабыть себя,
не бронзовых — живых, простых, вчерашних

Ты не одной своей печалью, нет,
осталась в нас, но как расцвет безмерный,

как высшее доверие, как свет,
как навсегда испытанная верность.

О нет, мы не любуемся собой,
не нам своею славою кичиться.
Но если нам навяжут новый бой —
все, что мы носим в сердце, ополчится.
Да, ополчится вновь, и перед нами
предстанет как развернутое знамя.

Но вспыхнет иль не вспыхнет тот пожар,
наследники, собратья! Вам на вечность
народ вручает свой бесценный дар —
спасенную от смерти Человечность.

Пусть не смущает вас ее лицо,
суровое, с отметками рубцов,
далекое от ангельского лика,
и взгляд, хранящий огненные блики,
взыскующий, ко злу непримиримый:
сквозь сотни битв мы проходили с ней,
сквозь слезы вдов, детей и матерей,
сквозь ад Майданека и Освенцима.

Мы сберегли в ней все: и светлый смех,
и ревность, и любовь, и состраданье,
и радость лучших — жить за всех, для всех,
и в этом видеть жизни оправданье.

Так пусть от сердца к сердцу, нарастая,
твой свет идет,
животворящий твой, —

к сердцам людей свободного Китая,
к республике германской молодой.

Все ваше, люди!
                    С гордостью и силой
преображайте мира бытие
всем, что завоевала вам Россия
Народ ее и Партия ее.

1946—1954
Севастополь — Ленинград

О. Берггольц — Верность

Редактор Е. Наумов

Художник Б. Воронецкий
Худож. редактор И. Серов
Техн. редактор В. Комм
Корректор З. Петрова

Сдано в набор 15/VI 1954 г. Подписано в печать 2/VII 1954 г. М 40653. 70×108 1/32.
Печ. л. 3,5 (4,8). Уч.-изд. л. 3,89.
Тираж 10 000. Зак. № 773. Цена 2 р. 45 к.

Л. О. издательства «Советский писатель».
Ленинград, Невский пр., д. 28.
Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Ленинград, Невский пр., д. 28, Л. о. издательства «Советский писатель».

2 р. 45 к.